

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Литературная газета, 1963, 8 авг.

МНЕ хотелось бы поговорить о прозявающей в некоторых выступлениях тенденции противопоставления чувства ответственности писателя перед обществом необходимости для писателя оста-

ваться самим собой. Такая тенденция существует, и существует не первый день, и если мы собираемся здесь говорить друг с другом с дружеской прямоотой, то я считаю необходимым ясно определить свою позицию по отношению к этой неприемлемой для меня тенденции противопоставления одного другому.

Мне кажется, что для писателя быть самим собой — одновременно значит испытывать чувство ответственности перед людьми, среди которых ты живешь и для которых ты пишешь. И, наоборот, потерять это чувство — значит потерять самого себя или, во всяком случае, потерять самое главное в самом себе.

Мне кажется даже, что для людей нашей профессии характерна особая обостренность чувства ответственности, и необходимость этой обостренности задана в самом существе нашего призвания человека, всю свою жизнь в своих книгах стоящего

В основу статьи К. Симонова положено его выступление на форуме европейских писателей в Ленинграде.

лицом к лицу с миллионами людей и говорящего им то, что он о них думает.

Мне кажется, что быть самим собой — это прежде всего ощущать себя одним из этих людей, прежде всего ощущать свою общность с ними, а не свое отличие от них, сводящееся главным образом к особенностям профессии, действительно редкой среди тысяч других профессий человечества. Мне кажется, что писателям, высокомерно относящимся к человечеству, нужно быть последовательными до конца и не выносить своих произведений на суд презираемой ими толпы. В такой позиции будет по крайней мере присутствовать логика и отсутствовать двоедушие.

Мне кажется, что писать и издавать книги, не веря в то, что люди достаточно умны и восприимчивы для того, чтобы их понять, а порой не веря и в саму объективную ценность человеческого существования, — это все равно, что жить на содержании у нелюбимой женщины, вдобавок за каждым завтраком и обедом упрекая ее за то, что она некрасива.

Мне кажется, что чувство ответственности писателя похоже на чувство ответственности пилота, ведущего огромную, наполненную множеством людей машину от места взлета до места посадки, совпадающих с началом и концом книги.

Я думаю, что пилот самолета не перестает быть самим собой оттого, что его сознание отягощено чувством ответственности за

Конст. СИМОНОВ

физическую, — а, если мы продолжим метафору и вместо слов «пилот» и «самолет» слова «писатель» и «книга», — то за духовную жизнь людей, которых он взял с собой в рейс.

Я бы, во всяком случае, не хотел сесть в самолет, которым будет управлять человек, считающий, что чувство ответственности перед людьми мешает ему быть самим собой.

Конечным итогом такого противопоставления обычно бывают катастрофы.

К счастью, как правило, литературные, а не авиационные, ибо среди пилотов, видимо, несравненно меньше охотников быть самими собой за счет других, чем среди писателей.

Противопоставлять чувство своей писательской ответственности перед людьми желанию оставаться самим собой, в сущности, значит противопоставлять себя людям.

Возможна ли такая позиция? Конечно, возможна. Но она не вызывает у меня ни понимания, ни уважения, и я бы покривил душой, если бы не сказал здесь об этом совершенно прямо.

Я употребляю выражение: тяжесть ответственности. Да, это именно так — тяжесть, и чаще всего немалая. Но не знаю, как кто, а я как писатель никогда не испытывал желания освободиться от этой земной тяжести. никогда не испытывал радостной потребности почувствовать себя в своей профессии отпущенным на волю воздушным шариком.

Мне всегда казалось, что в ли-

тературе любая тяжесть ответственности все-таки легче, чем тяжесть безответственности. Да, бывает, что от тяжести ответственности духовно устают. Но от тяжести безответственности духовно умирают.

Литература всего лишь одно из многих человеческих дел. И на тех крутых перевалах, через которые идет и еще будет идти человечество, я как писатель не согласен идти в цепочке других поднимающихся в гору людей без тяжелого рюкзака за плечами, в который сполна будет положена вся причитающаяся мне мера ответственности.

Литература должна идти по земле, тяжело ступая и испытывая всю силу и все радости земного притяжения. Она должна идти вместе с народом и ощущать себя его неотъемлемой частью. И если некоторые называют это «завербованностью», то я не вижу причин стесняться этого термина. Да, я против литературы, свободной от ответственности перед человечеством, я за литературу, «завербованную» насущными потребностями народа, насущными потребностями человечества, за литературу, отягощенную необходимостью удовлетворить эти потребности.

Я горжусь своей принадлежностью к такой «завербованной» на службу народа литературе и думаю, что я не одинок в своем чувстве и что в каждой из литератур, представленных на нашей встрече, есть много писателей, которых не пугает ярлык «завербованности» и которые не склонны противопоставлять чувство ответственности чувству собственного достоинства.